

— Александр Ильич, вы внимательно следите за ходом перестройки в нашей стране. Каково ваше мнение о внешних и внутренних успехах новой политики? Какие ее плюсы и минусы вам хотелось бы отметить?

— Сейчас, конечно, самый неудачный момент приступить к вам с советами или увещаниями. В момент внешних успехов труднее всего бывает отказаться от дальнейшей накатки их, самостраничиться, перестроиться.

— И все-таки, что вы думаете о наших старых внутренних язвах, об обострении национального вопроса, которое вы некогда предсказали? Вам, как исконно русскому человеку, не обидно за историю своего народа, послужившего орудием социалистической экспансии против окраинных и малочисленных народов Азии и Европы?

— Действительно, внешняя политика царской России никогда не имела успехов сколько-нибудь сравнимых. Даже выиграв большую европейскую войну против Наполеона, она никак не расширила своей власти на Восточную Европу. Она бралась подавлять венгерскую революцию — в пользу Габсбургов, обеспечивала прусский тыл в 1866 и 1870, ничего за то не взяв, то есть бескорыстно возвышала германские державы. Множество промахов ее внешней политики происходило от недостатка практического ра-

предержащих и не чувствуют себя защищенными.

— Но тем и отличаются мудрые от немудрых, что они принимают советы и опасливые соображения много ранее крайней необходимости.

Воспитанным в марксизме кажется странным такой шаг: вдруг, начать жить без этой привычной идеологии. Но тут, по сути, выбора и не осталось, сами обстоятельства заставляют сделать его, да может быть поздно. Потому что именно ложной идеологии нечем ответить на возражения, на протесты, кроме оружия и решетки. Но приходится помнить и учиться, что во всей мировой истории еще не бывало (и не будет никогда) такой силы, на которую не нашлось бы противосил.

— Каким же тогда вы видите наше будущее?

— Я вовсе не предлагаю вам принять другую крайность — преследовать или

тех, которых вы жаждете (не у нас), и тех, которых вы опасаетесь (у нас). Изучением я убедился, что массовые, кровавые революции всегда чувствительны для народов, среди которых они происходят. И среди нашего нынешнего общества я совсем не одинок в этом убеждении. Всяким поспешным сотрясениям смена нынешнего руководства (все пирамиды) на других персон могла бы вызывать лишь новую уничтожающую борьбу, и наверняка, очень сомнительный выигрыш в качестве руководства.

— В таком положении, что остается делать нам?

— Приводить утешительные соображения о неспелости винограда. Аргументировать довольно искренно, что мы — непоклонники того буйного «разгула демократии»... Да, конечно: свобода — нравственна. Но только до известного предела, пока она не переходит в самовольство и разнузданность. Так

Подобные встречи происходят в жизни не каждый день. Одно слово личности такого масштаба, даже молчаливая энергичная работа мысли в промежутках между фразами, словно преобразует любого собеседника.

Встреча с ним — огромная удача, благодаря которой можно попытаться найти ответы на вопросы, волновавшие нас вчера, беспокоящие сегодня, и те, что возникнут завтра.

Александр СОЛЖЕНИЦЫН.

Коммунистическая Республика Таджикистан, Душанбе, — 1990. — 29 июля. — с. 6.

«О НАС, НАШЕМ ПРОШЛОМ И БУДУЩЕМ»

счета на верхах, от бюрократической неповоротливости дипломатии, — но, отчасти, очевидно, и от некоторой доли идеализма в представлениях руководителей, что мешало им последовательно проводить в жизнь национальный эгоизм.

— А что, по-вашему, изменилось при Советской власти?

— От всех этих слабостей с начала и до конца освобождена советская дипломатия, она умеет требовать, добиваться и брать, как никогда не умел царизм.

— Мне кажется, вы несколько сгущаете краски. С началом перестройки изменения во внешней политике заставляют перенести разговор об этих качествах советской дипломатии в плоскость прошедшего времени.

— Конечно, такое перенесение рано или поздно должно привести к тому, чтобы мы сняли опеку с Восточной Европы. Также не может быть речи о насильственном удержании в пределах страны какой-либо окраинной нации.

— Действительно, долгие годы мы боялись войны и ждали ее извне. А теперь то здесь, то там внутри страны вспыхивают очаги, грозящие перерасти в пламя гражданской войны. Неужели нас ожидает такое будущее?

— Вот это гибельное будущее, по темпам приближения совсем уже недалекое, ложится бременем на нас сегодняшних, и на тех, кто имеет власть, и кто силу имеет повлиять, или кто только голос имеет, чтобы произнести: этой войны не должно быть вообще. Эта война вообще не должна состояться! Не ставить задачу выиграть ту войну, ибо выиграть ее никому невозможно, но — избежать ее!

— Несмотря на неодинокитные и довольно острые сигналы, подобные предупредительным толчкам приближающейся стихии, люди раз- уверились в мудрости власти

запрещать марксизм, даже спорить против него (с ним спорить скоро никто уже и не будет, из одной лени). Я только предлагаю вам спастись от него самим и спасти от него свое государственное устройство и свой народ.

А для этого только: лишить марксизм мощной государственной поддержки, и пусть он существует сам по себе, на своих ногах. И пусть его пропагандируют, защищают и внедряют беспрепятственно все желающие — но в свободное от работы время и не на государственной зарплате. То есть вся система агитпропа должна перестать оплачиваться из народных средств. У многочисленных работников агитпропа это не может вызвать негодования или сопротивления: новое положение освободит их от всяких обидных упреков в возможной корысти, оно впервые даст им возможность по-настоящему доказать свою идейную убежденность, свою искренность. А впрямь, от того, любой государственный пост пусть не будет прямым следствием партийной принадлежности, как сейчас. Освободите и свою партию от упреков, что люди получают партийный билет для карьеры. Дайте возможность некоторым работающим соотечественникам тоже продвигаться по государственному ступеням и без партийного билета — вы и работников получите хороших, и в партии останутся лишь бескорыстные люди.

— Конечно, вы правы, но ни одна уважающая себя политическая сила не сдает позиций без боя. А при отсутствии демократических свобод и традиций такая политическая борьба не обходится без крови. Не слишком ли дорогая цена?

— Предложив диалог на основании реализма, должен и я сознаться, что из русской истории стал я противником всяких, вообще революций и вооруженных потрясений, значит, и в будущем тоже; и

ведь и порядок — не безнравственен, устойчивый и покойный строй тоже — до своего предела, пока он не переходит в произвол и тиранию.

У нас в России, по полной не привычке, демократия просуществовала всего 8 месяцев — с февраля по октябрь 1917 года.

— По-вашему, весь путь с 17-го года ошибочен?

— Вся мировая история показывает, что народы, создавшие империи, всегда несли духовный ущерб. Цели великой империи и нравственное здоровье народа несовместимы. Прimitивная верхоглядная, экономическая теория, которая объявила, что только рабочий создает ценности и не увидела вклада ни организаторов, ни инженеров, ни транспорта, ни аппарата быта. Она ошиблась, предсказывая, что пролетариат будет безгранично нищать, что он никогда, ничего не добьется при буржуазной демократии, — нам бы сейчас так накормить его, одеть и осыпать досугом, как он получил все это при капитализме! Она дала маху, что благополучие европейских стран держится на колониях, — а они только освободясь от колоний и стали совершать свои «экономические чудеса».

— Как вы думаете, чтобы избежать провала пяти лет перестройки, с чего следовало ее начинать — с освобождения от колоний?

— С конца, с хозяйства. Парадоксально, поверить нельзя: но при таких блестящих успехах во внешней политике, у такой военной мощи, великой державы — такой тупик и даже безнадежность в экономике.

— Да и тупик опять же идеологический. Хлопок, съедающий пол — Таджикистана, необходимый центр и как стратегическое сырье.

— Наше «идеологическое сельское хозяйство» уже стало посмешищем для всего мира, а скоро — при всемирной нехватке продуктов —

станет обузой для него. Во многих местах мира будет вспыхивать голод из-за перенаселения, земельной скудости, первичного выхода из колониального состояния, — т. е. люди не могут произвести зерна. При угрожающей в мире нехватке зерна один выход у нас быть сытой страной: отказаться от принудительных колхозов, оставить только добровольные. Нет, мы должны были протасовать всем западным буржуазно-промышленным и марксистским путем, чтобы к концу XX века узнать, опять-таки от передовых западных ученых, то, что исконно понимал любой деревенский дед... И не «конвергенция» ждет нас с Западным миром, но — полное обновление и перестройка Запада и Востока, потому что оба в тупике. Отпадает главная люта рознь между нами и ними, отпадает множество пунктов нынешнего состязания и столкновения во всем мире, — военный конфликт отодвинется на много, а может быть, — и не состоится вовсе никогда.

— Хотелось бы верить в это. Ну, а если наевшись демократии и гласности, мы допустим очередной провал в массовом, политическом сознании и предпочтем реформам твердую руку и, хоть, какую-то стабильность, как это уже случалось?

— Здесь главное, для дальнейшего: провалы эти истекли не из ошибок наших дипломатов, не из просчетов наших генералов, а из точного следования указания марксизма — ленинизма: в первом случае, повредить мировому

империализму, во втором — поддержать зарубежное коммунистическое движение. Соображения национальные в обоих случаях отсутствовали. Так и национализм был этой теорией в 1848 году погребен как уже «пережиток» — а найдите сегодня в мире силу большую!

— Что бы хотели сказать людям, определяющим в центре политику в отношении республик?

— Знаю, прекрасно, что говорю с крайними реалистами и не стану пusto взывать: «О, призабудьте хоть немного неудачливого идеализма от старой русской дипломатии!». Или: «Облагодетельствуем мир тем, что перестанем вмешиваться в его жизнь». Или: «Проверим нравственность основания нашей победной дипломатии — она приносит Советскому Союзу внешнюю мощь, но приносит ли истинное добро его народам?»

— В последнее время часть русскоязычной интеллигенции республики, вместо объединения со здоровыми силами общества и отстаивания права на участие в демократических преобразованиях Таджикистана, считает лучшим покинуть родину. Как вы на это смотрите?

— Наша интеллигенция единодушна в представлении о желанном будущем нашей страны (самые широкие свободы), но также единодушна она и в полном бездействии для этого будущего. Все заворожено ждут, не случится ли это само. Нет, не случится.

— Спасибо большое за беседу.

Беседу подготовил
Т. КЛЫЧЕВ.

